

Валентин Толстых

**ХОЧУ -
МОГУ -
ДОЛЖЕН.**

Валентин Иванович Толстых

Хочу – Могу – Должен.

Опыт общественной автобиографии личности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10423407

*Хочу – Могу – Должен. Опыт общественной автобиографии личности. / Толстых В.: Прогресс-Традиция; Москва; 2015
ISBN 978-5-89826-424-6*

Аннотация

Это не автобиография, не сборник пережитых автором событий и запоздалых прозрений. Известный ученый и публицист рассказывает, как просто и вместе с тем причудливо складывалась его биография – опыт не только профессиональной деятельности, но и человеческого общения, взаимоотношений с известными и интересными людьми. Без поучений и бахвальства представлен сам процесс формирования человеческой личности, результаты её общительной и практической деятельности. Читателю, особенно молодому, будет интересно узнать и понять, как и из чего вообще складывается личностный мир человека, не исключительный, но богатый и уникальный в своих результатах.

Содержание

Лишь бы память не подвела...	4
Все мы родом из детства...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валентин Толстых
Хочу – Могу – Должен.
Опыт общественной
автобиографии личности

Собственному 85-летию посвящая

Лишь бы память не подвела...
Вместо предисловия

*Если человек не становится лучше,
он перестает быть хорошим.*

Кромвель

Признаюсь, писать эти автобиографические заметки в мои творческие планы не входило. Не возникало даже мысли и желания копаться в своей биографии, вспоминать и воспроизводить былое и прожитое. И таким способом войти в число авторов ныне модной мемуарной литературы, где известные и не очень известные люди охотно описывают свою частную и гражданскую жизнь, не думая о том, интересно ли будет это кому-либо читать. Мотивы, по которым создают-

ся подобные сочинения, конечно, разные, порой причудливые. К сожалению, редко встречаются произведения «исповедального» характера, написанные с душевной болью, пусть субъективные, но честные и чистые в авторских целях и намерениях. Гораздо больше и чаще появляются творения, продиктованные тщеславием, желанием человека обратить на себя внимание, либо защитить пошатнувшуюся «репутацию», поднять «рейтинг» своего жизненного пути, поведения. Впрочем, в советские времена мемуарные тексты появлялись редко и воспринимались по-разному, иногда незаслуженно строго, с упреком в «личной нескромности» и бичуемого тогда «индивидуализма».

Учитывая это обстоятельство, в своей книге «Мы были. Советский человек как он есть» (2008) я в первом же абзаце предисловия предупредил читателя, что далек от мысли писать автобиографию. Ибо не считаю себя личностью исторической в любом значении и смысле: не занимал высоких «постов», не был «деятелем», не прославился какими-либо заметными или скандальными поступками, способными оправдать повышенное внимание к моей скромной персоне. Просто появилось желание мысленно и обязательно письменно, значит – ответственно, воспроизвести общественно-историческую ситуацию и идейную атмосферу, в которой складывались мои жизненные представления и взгляды. Тогда оправданным будет и появление автобиографических мотивов и моментов в тексте. Издатели этой весьма

объемистой книги подтвердят, что при подготовке рукописи к печати я безжалостно, собственной рукой, заметно сократил текст как раз за счет сугубо «биографических» описаний и страниц. Что книге пошло на пользу: она стала более емкой в изложении и весомее в аргументации.

Однако без жизнеописаний эпох, обществ, роли и историй жизни отдельных личностей никак не обойтись, и всегда находились любители – ценители литературы подобного рода. Согласитесь, факт присутствия автора воспоминаний в историческом процессе придает их описанию признак достоверности и подлинности. Не случайно такой тонкий знаток реальной жизни и искусства, как Лев Толстой, настаивал на том, что *истина таится в подробностях*. Они-то и преобладают в биографических произведениях. В том числе и в научных трудах, например по истории, где сам по себе процесс объективный представлен автором в индивидуальном исполнении и самовыражении. Что в биографических жизнеописаниях предписано и обусловлено самим жанром.

Думаю, не я один и далеко не сразу, лишь *со временем*, узнал и осознал, что появление на свет любого человека само по себе есть событие случайное. Стало быть, глупо и бессмысленно жаловаться на судьбу, что ты появился «здесь и тогда-то», а не «где-то и в другое время». Но в год Победы мне исполнилось 16 лет, и этому абсолютно случайному факту или обстоятельству я обязан тем, что тем самым меня обошла чаша *фронтowego* испытания «жизнью и смертью».

Ёмко, мудро и просто эту жизненную ситуацию выразил и оправдал Александр Кушнер своей поэтической формулой: *времена не выбирают, в них живут и умирают*. Текущее Время и быстротечная Жизнь, именно эти главные константы человеческого бытия наполняют и определяют смысл любого жизнеописания. Выходит, биографический факт совпадения совершеннолетия с концом войны сам по себе ничего исторического не содержал и не означал, а для меня стал поистине судьбоносным. Понял я это не сразу, с течением времени: чем дальше отдалялся, становился этот победный День *историческим*, тем больше воспринимался он мною и как личное *везение*. С момента, когда узнал, что лишь трое из ста призывников 1921–1924 годов вернулись с войны живыми. Думаю об этом и сегодня, потому что многими до сих пор не понято, над кем и над чем была одержана победа в 1945 году, и чем все обязаны ей и её творцам. Тут дело уже не в памяти, а в отсутствии совести и просто ума у тех господ и товарищей, кто позволяет себе сегодня принижать и унижать участие в войне и победу тем, кто сам не испытал ужаса и голода войны. Как человек, хорошо помнящий то время и пережитые тогда ощущения и переживания, могу подтвердить и заявить, что война всерьез и надолго вошла в сознание и душу моего поколения, и все её напасти и раны еще долго давали о себе знать в мирные послевоенные годы. И если ты сам внутренне готов был измениться и стать другим, память о ней долго еще не давала жить беспечно и бездумно,

что я заметил и увидел на примере многих моих товарищей и друзей сначала в школе, а потом и в университете.

Впрочем, сложность любого жизнеописания состоит уже в самой невозможности просто вспомнить и описать прожитую и пережитую тобой жизнь, день за днем и год за годом, со всеми её событиями и испытаниями, радостями и горестями, отпущенными тебе судьбой, временем и обстоятельствами. Сделать это невысказано, да и не имеет смысла. Тут, помимо памяти, совестливости и честности, понадобится воспроизвести буквально всё, что с тобой происходило и произошло, как говорится, пропустить через себя, осмыслить и оценить в общем контексте прожитого и пережитого. И, конечно, обязательно выяснится, что много времени и сил было затрачено на всякого рода чепуху, бессмысленную возню человека с самим собой, своими дурными привычками или затеями, мало кому интересными. Хотя можно и без спора вполне ординарную жизнь описать, воспроизвести в мелочах и деталях так, что она возьмет тебя за душу и покажется интереснее любых «крутых» историй и драм. Тут существует своя классика, тот же Гоголь, потрясший всех своей «Шинелью», муками и страстями некоего Башмачникова. Тут же ничем подобным не пахнет, придется перебрать, переварить огромную массу фактов, событий и подробностей, вспомнить и оживить в памяти всё прожитое за семьдесят с лишним лет, чтобы в толще конкретики найти, выслушать хотя бы одну толстовскую «истину». Задача почти

немыслимая: дневников я не вёл, пометок и заметок «на всякий случай» не делал, хотя наиболее важные, значимые моменты и события, конечно, запомнились, и воспроизвести их я, конечно, смогу, попытаюсь.

Выручит меня особенность моего теперешнего внутреннего состояния: странно, но, пытаясь осмыслить и понять нынешнюю российскую реальность, то и дело вспоминаю как раз прожитые годы, пережитые события. Сопоставляю и сравниваю схожие факты, моменты и потрясения, как бы прокручивая собственную жизнь в контексте и духе *былое и думы*. Занятие совсем не простое: ведь живу я не *прошлым*, далек от мысли его прославлять или воссоздавать даже мысленно, но всё чаще испытываю трудности (думаю, не только я), пытаюсь соединить жесткую реальность переживаемых сегодня процессов и событий с правдой запомнившихся ощущений и впечатлений прошлого. Более всего коробит и поташнивает от жизнеописаний и оценок бывшей советской действительности, вдруг, именно сегодня прозревшими, оказывается, её «до поры-до времени» скрытыми критиками-ненавистниками. Особенно теми, кто, за редким исключением, терпел и бесстыдно прилаживался к ненавистной действительности, проникая в ответственные органы и занимая ответственные посты. Застыв в ожидании удобного момента и появления тех смельчаков, кто однажды отважатся и начнут расшатывать, ниспровергать *плохую* реальность, в угоду таким же, как они сами, терпеливо ждущим

своего часа оппозиционерам. Все последние двадцать лет меня удивляет настырность и наглость, с какою эти проснувшиеся и осмелевшие, недавно вполне лояльные и готовые «годить» граждане СССР, принялись *клеимить* «проклятое прошлое» – свергнутый советский социализм. Вместо того чтобы заняться переустройством общественного порядка и власти, они занялись устройством своих собственных дел, присвоением даровой собственности и освоением «теплых местечек». Даже не замечая, как нелепо они выглядят в запоздалом гражданском гневе и обличении уже свергнутого «советизма» на фоне более чем омерзительных пороков и безобразий постсоветского «рыночного капитализма».

Мне возразят, скажут, что и советская реальность по-разному воспринималась и оценивалась общественностью: массовый восторг и энтузиазм обездоленных пролетариев и крестьян перемежался в ней с не менее массовым недовольством переменами, которое выражали не только сторонники прежней, «старой», власти и порядков, но и все те, кто не принял или скептически воспринимал саму идею социализма. Что выразилось в таких масштабных событиях и катаклизмах, как мятеж моряков Кронштадта (1921), крах политики «военного коммунизма», поиски властью после победы в гражданской войне *новой формулы* социализма, стихийное противостояние политике коллективизации в годы так называемого «великого перелома» и т. д. Это исторический факт: социализм строился и внедрялся в обстановке революцион-

ных потрясений, столкновений интересов самых разных слоёв, классов и социальных групп, и внедрение социалистических идей и советских порядков происходило в непрерывной борьбе, в условиях острой идеологической борьбы и политического противостояния внутри и вне партии. Одним новые идеи и порядки не понравились сразу же, другим позже, в период «сталинизма». После испытаний, выпавших на долю «реального социализма» (разрушительная война с фашизмом и послевоенное строительство), общество и страна вошли в стадию *первого системного кризиса*, не совсем точно названного «застоем», которым все недовольные и прямые противники Советской власти охотно воспользовались, совершив контрреволюционный переворот по отношению к Октябрю 17 года. Победив грозного внешнего врага, Советский Союз был разрушен и низвергнут изнутри.

Краткий пассаж в историю понадобился мне для того, чтобы определить, назвать главную причину моего обращения к жанру воспоминаний. Прежде чем её назвать, выражу и выскажу решительное *несогласие* как с антисоветчиками, так и с апологетами советского прошлого. Многие люди, прожившие в советские времена и хорошо их знающие, сравнивая с ними нынешние порядки и условия жизни, не случайно отдают предпочтение прошлому и возмущены откровенно недобросовестной, предвзятой оценкой советского уклада и образа жизни. Подобно тому, как большевики столь же негативно и бескомпромиссно критиковали и обличали царскую,

дооктябрьскую Россию. Ныне немало доброхотов ушатами грязи обливают с экрана телеканалов и газетных полос советский социализм, вызывая у меня лишь брезгливое чувство. Многие из них (я знаю их лично) просто обязаны советской властью и бесплатным образованием, и своим нынешним статусом, социальным и профессиональным. Безусловно, можно и нужно понять тех, кто был задет сталинскими репрессиями, у кого пострадали близкие им люди. Я имею в виду и тех, кто пострадал за неприятие самой идеи социалистического «переворота», но было немало тех, кто пострадал вообще безвинно. И все же полагаю, нельзя безоговорочно принять вердикты тех, кто превращает всю советскую историю в адскую бессмыслицу, в сплошной «Гулаг». Хотя бы на том очевидном основании, что тогда вне внимания остается жизнь, труд, быт, самочувствие десятков и сотен миллионов людей, подобных нашей семье и мне лично, проживших не простую, но очень интересную жизнь, искренне веря в идею социализма, в идеалы социального равенства и справедливости. Как быть и жить тем, кто и поныне не согласен с упрямо навязываемой уже двадцать лет «однозначной» оценкой советского социализма, навязываемой обществу и всем гражданам Российской Федерации?!

Претензия моя вполне конкретна, напрямую касается родителей, двух братьев и сестры. Так получилось, что отец мой, плотник, после окончания рабфака (неотрывно от производства) стал инженером, строителем, вместе с мамой, до-

мохозяйкой, дали нам всем среднее, а троим и высшее образование. Надо ли доказывать, что это произошло не само собой и не «по щучьему велению», а благодаря обществу, тому самому «социализму», который подвергается безоговорочному осуждению. Каждый из нас, как говорили тогда, «из простой семьи», получил возможность заниматься созидательным трудом согласно своим склонностям, желаниям и способностям. Судьба семьи сложилась непросто, но в её драмах и трагических ситуациях меньше всего был повинен «социализм» как таковой. Таких семей и людей в СССР, я убежден, было великое множество. Не случайно, несмотря на все старания антисоветчиков, в памяти большинства сограждан, поживших в условиях социализма, образ Страны Советов остается светлым, и её трагическая судьба отзывается в их сердцах и памяти с болью и решительным несогласием с её трактовкой и оценкой поклонниками нынешнего капитализма.

Но СССР погубили не одни лишь «враги социализма», а прежде всего бездарные и безответственные действия самой правящей партии коммунистов, в коей состоял и автор этих строк, хорошо знающий, как и почему произошла эта трагедия. Если удастся, я расскажу о моих запомнившихся встречах с теми потерпевшими «от Советской власти», кого абсолютно незаслуженно обидели и унизили, кто был вправе требовать отмщения за поруганную честь и исковерканные годы жизни. Но именно они, эти странные люди, почему-то вспо-

минали горькое прошлое сдержанно, деликатно, говорили взвешенно, что меня тогда очень удивило. С одним из них, известным деятелем кинематографии К., однажды мы разговорились вечером в номере гостиницы Киева, куда были командированы, и он рассказал, как его арестовали, и он «ни за что, ни про что» просидел несколько лет в тюрьме. Скупыми словами, без эмоций он объяснял мне, как и почему, по его мнению, это произошло, поминая и обвиняя при этом не только власть. Я был потрясен самим рассказом, трезвостью и стоицизмом мышления и поведения этого человека, которого среди кинематографистов я выделял и очень уважал. Недавно вспомнил этот случай и разговор, читая статью сына покойного в газете, где о той же стране были сказаны одни лишь гадости. И это далеко не единичный случай, когда именно «потерпевшие» более строго и сдержанно судят о прошлом и нанесенных им обидах. Это какое-то иное, не подменяющее критику руганью – взвешенное и взыскательное отношение к реальной действительности и истории.

О том, что меня живо задевает и возмущает явно одностороннее, несправедливое и плоское отношение к советскому прошлому, я поделился однажды с Сашей Зиновьевым вскоре по его возвращении в Россию. И помню, он сказал мне: «Слушай, брось ты всё, и свой Клуб («Свободное слово». – *В.Т.*), и затеи с коллективными трудами, сядь и опиши всё, что накопил, запомнил, хочешь сказать от себя и о себе, кого узнал, с кем встретился, дружил, разговаривал и спорил, и

пока память жива, зафиксируй то, что пережил и осознал, чего никто другой за тебя не выскажет так, как ты...». Совет этот я запомнил, но, увлеченный и занятый другими делами, саму мысль оставил на «потом». Теперь, когда пошел-поехал уже девятый десяток жизни, переживая всё происходящее «здесь и сейчас», пробую дружеский совет Зиновьева исполнить. Пока былое еще помнится, не пропало желание-искушение поделиться уроками прошлого с молодым поколением, и тешу себя иллюзией, что эти «уроки» им нужны. Как минимум, не будут (потом!) упрекать нас, стариков, в беспамятстве и несамокритичности.

Впрочем, я не настолько самонадеян в надежде, что мои признания и откровения будут полезны молодым людям, знающим советский социализм, в основном, понаслышке, от родителей, «предков». Не потому, что они глупее нас, просто это люди уже другой формации и истории, со своими взглядами и представлениями о том, что *такое хорошо и что такое плохо*. Вкусившим соблазны «пищеварительной философии», как именовал её Фёдор Михайлович Достоевский, им нелегко будет объяснить и осознать, почему, например, мой с детства усвоенный *коллективизм* лучше, человечнее любого *индивидуализма*, а поощряемые «рыночным обществом» страсти вроде властолюбия и страсти обогащения, обрекают многих на духовную нищету и утрату смысла человеческого существования.

Как ни смешно звучит, но сакраментальная фраза *мои го-*

да – моё богатство, если в них вдуматься, ближе к истине, чем любые приманки замороженного (а то и чем-то зараженного!) сознания. Хочу на примере собственной жизни показать (всего лишь *показать*), что прожить жизнь так, чтобы при всех её поворотах и испытаниях она получилась не стыдной, пристойной, интересной – вполне возможная вещь. Разумеется, я не считаю, что моя «карта прошлого» лучше других историй жизни, и согласен с тем мнением, что любые показания и свидетельства, пусть самые искренние и убедительные, всегда *вариативны* и потому могут быть поставлены под сомнение, оспорены. Тем более, когда касаешься прошлого, где всегда таится нечто скрытое, не ясное или еще не оглашенное, не прошедшее испытания «детектором лжи». Надо только не забывать, что помимо так называемых «упрямых фактов» есть еще и не менее упрямые чувства и мысли их творцов и авторов, которые, хочешь – не хочешь, тоже приходится учитывать в анализе и оценке намерений, решений и событий.

Наверное, у каждого человека есть свой «автобиографический шифр», зная или разгадав который, можно понять или хотя бы догадаться, какими мыслями и чувствами, намерениями и интересами были продиктованы совершенные им действия и поступки. Я имею в виду людей близкой, понятной мне сферы общественной, культурной и научной деятельности, отражающей и выражающей глубинные запросы и интересы многих людей. По моим наблюдениям, большин-

ство ученых, публицистов, деятелей культуры не скрывают своих симпатий и антипатий, а трезвомыслящие среди них не настаивают ни на приоритете *своих*, ни несостоятельности *чужих* взглядов и позиций. Хочу сказать, что сам с уважением отношусь к не разделяемым мною воззрениям, кроме откровенно античеловечных по своей сути, вроде нацистских. И все двадцать лет существования клуба «Свободное слово» стремился и старался приглашать по обсуждаемым острым темам и проблемам людей *инакомыслящих*, поскольку единомыслящих в клубе и без того было много. С теми, кто честен и бескорыстен в отстаивании не разделяемых лично мною мыслей и идей, можно и поспорить, доказывая свою правоту, но нет желания общаться с теми, кто запросто меняет свои воззрения и выдает их за убеждения, меняя их как постельное или нательное белье в зависимости от ситуации. Знаю этих людей в лицо, и в большинстве своем они знают, как я к ним отношусь.

В далекой юности мне понравилась сильная, красивая своей откровенностью фраза любимого тогда Белинского: *только дурак не меняет своих убеждений*. Годы и опыт показали, что этим занятием увлекаются не только «дураки». Поняв это, в начале 90-х – в период безвременья и идейного шабаша – я открыто, демонстративно объявил себя «консерватором». Моя замешанная на брезгливости идейная осторожность (для кого-то, наверное, *замшелость*) была воспринята достаточно спокойно, так как в советские времена ни-

кто меня в рядах «официозных» марксистов и коммунистов не числил. Наверное, потому, что, будучи человеком эмоциональным, тем не менее я в главном и существенном своих убеждений никогда не менял, свою верность идеалу социализма не скрывал. В чем легко убедиться, познакомившись с материалами заседаний клуба «Свободное слово» (изданных в 1995–2008 годах в одиннадцать клубных книгах), а также с моими публикациями последнего времени: «Мы были. Советский человек как он есть» (2008), «Российский выбор. В контексте реальной истории» (2009), «Настоящее будущее: без утопии и возврата в прошлое» (2009), «Сейчас так не пишут» (2010), «Россия эпохи перемен» (2012). Предисловие первой из них я так и озаглавил – «Никому не отдам свою биографию». Мог бы и сегодня повторить, слово в слово, высказанное в ней мнение и убеждение, что любая прожитая человеком жизнь вполне исторична и достойна внимания, если она осмыслена и достаточно толково и, простите, достаточно честно описана. Биографии поколений и отдельных людей помогают понять, проникнуть в потаенные, скрытые от общественного взора мотивы и пружины человеческого поведения, позволяя исследователям точнее определить объективный ход и смысл «текущей» всеобщей истории. Что в полной мере относится и к той конкретной исторической реальности, которую еще недавно именовали *советской цивилизацией и эпохой*.

Говоря проще, исходить надо из понятного здравомысля-

щему человеку посылает: прошлое тоже было реальной действительностью, каковой её и следует представить, желатель-но честно и искренне, не поддаваясь искусству конъюнктурных «подсказок» со стороны или угождая собственным излюбленными идеями. Доверившись давно известному принципу – не врать, не перелопачивать факты и не искажать истину, а лишь фиксировать, *что и как было на самом деле*, не «улучшающая» прошлое. Соблюсти меру, вкус и быть совестливым в описании своих впечатлений, ощущений и переживаний, которые людям на склоне лет представляются, по понятным причинам, самыми интересными, важными, «счастливыми» в их жизни. Но, может статься, их оттеснят и на первый план выйдут другие события, обстоятельства и персонажи, не оставившие в прожитой тобой жизни заметного следа, и тогда придется считаться с «итогами» и «извивами» круговорота твоей жизни и опыта, которые могут тебя раздражать и не устраивать. По-разному складывается быстротекущая человеческая жизнь, и потому трезвомыслящие люди исходят из того, что истина и правда мало кому «по зубам», что искренность сама бывает «глуповата, прости Господи», и даже умные люди, как ни странно, тоже «обманываться рады». Короче, пришлось немало посомневаться и подумать, прежде чем уговорил себя взяться за описание собственной биографии. В стадии раздумий помогли известные биографические примеры, «образцы» жизнеописаний, среди которых выделю три примера, на мой вкус и взгляд, умного и

честного (разумеется – для меня) использования стилистических средств и приемов биографического письма. Они помогли мне обдумать и реализовать свой замысел, никому при этом не подражая.

В каждом из этих случаев автор добивался некоей своей цели, и описание фактов и событий помогли её реализовать, как мне кажется, удачно. Они очень разные, но, несмотря на спорные моменты, все три вполне выдержали основное требование к произведениям биографического жанра – *честного представления времени и своей личностной причастности*.

Начну с монографии известного исследователя литературы и главного редактора журнала «Континент» Игоря Виноградова. Его «*Духовные искания русской литературы*» (2005) – это 40-летний плод изучения нравственных, философских и эстетических проблем русской и советской литературной классики. Фактически итог всей сознательной жизни ученого. В трёх разделах – «Бытие», «Социум», «Искусство», автор, с позиции *открытого сознания*, используя личные жизненные наблюдения, представляет читателю, особенно молодому, возможность самому по достоинству оценить величие и смысл исторического вклада русской духовной культуры и искусства в мировую цивилизацию. Меня, приступающего к своему жизнеописанию, привлекла небольшая по объему глава, где обсуждается тема и проблема создания *книги жизни*, которую, считает Виногра-

дов, обязан создать и оставить после себя каждый человек. Раскрывает он эту мысль на примере жизненной и творческой судьбы известного поэта-барда Юлия Кима, с ним он давно знаком и дружит. Представлен *цельный образ судьбы* человека, перенесшего на своем веку множество испытаний и потрясений, сохранив при этом преданность своему *призванию и дару*, которым наделили его природа и родители. Нужна, оказывается, немалая степень стойкости и храбрости, чтобы человек вынес все муки и препятствия ради торжества истины и правды. Мне близок образ честного и совестливого Юлия Кима, и особенно то, как он разрешал возникавшие у него конфликты гражданской совести с требованиями и зовом дара художника слова и барда. Ведь далеко не всякому творческому человеку удастся себя «сохранить» в условиях часто возникающих несовпадений и конфликтных ситуаций между склонностями таланта и гражданскими чувствами, желаниями.

Насквозь автобиографична и вторая книга, которая мне понравилась – «*Наше*» и «*моё*» Льва Науменко, человека и философа, исповедующего идеи гуманистического материализма, знатока проблем диалектической логики, истории и теории социализма. Автор давно и хорошо мне известен и мною уважаем. Книга выстроена как *биография эволюции больших идей*, творцами которых являются дорогие, духовно близкие ему (и мне!) люди – это Ленин, Ильенков, Лифшиц. И тут, как в случае с Виноградовым, на первый план выхо-

дят взаимоотношения миров: мира *вне меня* с миром *во мне*, или, как представляет сам автор в социально-политическом контексте – сравнение феноменов *пещерного социализма* и *пещерного капитализма*, заявленные без прикрытия в наши дни. Автор предлагает читателю *заглянуть внутрь себя, в глубину своей памяти, своей истории, своего прошлого. Потом – и вне себя. Ведь для того, чтобы выплыть в Будущее, надо иметь Прошлое. А оно в нашей памяти и есть Вера, Надежда, Любовь.* В книге немало мест для дискуссионных суждений и оценок, в том числе и с философами, уже ушедшими из жизни (В. Келле, М. Мамардашвили и др.). Но привлекает и покоряет она своим пафосом и интонацией: философское мышление *не книжное*, без занудства, по-человечески *душевное* (не только *духовное*). Мы с автором единомышленники в восприятии и оценке главных героев книги, названных выше, и о них я выскажусь не раз в этой книге. Для меня они не просто персонажи, встретившиеся случайно на дорогах жизни, – это люди, во многом определившие смысл и тонус всей моей жизни. И, конечно, отдельное спасибо Льву Константиновичу за рассказ о встречах-спорах в доме-квартире Эвальда Ильенкова в Камергерском переулке, где наши частые встречи и разговоры происходили под чай и котлеты исключительно-замечательной жены Ильенкова – Ольги Исмаиловны, встречавшей нас вместе с дочкой Леной.

Большое впечатление произвела на меня и модель жиз-

неописания – книга педагога, ветерана Отечественной войны Валентина Григорьевича Бейлинсона «Советское время в людях» (2009). Автор не претендует на открытия и научные изыскания, обходит стороной модные идеологические распри и не претендует на раскрытие правды того, что произошло в России и с Россией, распавшейся на правых-левых, коммунистов-либералов и прочие группы и кланы. На первом плане в ней судьба живых людей, их проблемы и беды, планы и несостоявшиеся надежды целых классов и сословий, короче, великая драма и трагедия человеческого бытия. Это вместо версии – идеи *сплошного Гулага*, якобы поглотившего в своих жерлах десятки миллионов людей, лишив их собственной истории, которой придерживаются сейчас многие. Они все разные, и я имею в виду именно запоздало «прозревших» критиков «реального социализма». Ведь на самом деле всё было не так, как представляют они прошлое. Вместо правды о советском времени и бытии предлагается разухабистая антисоветчина, одноцветная картина бездарного бытия десятков миллионов состоявшихся и проживших интереснейшую жизнь людей, не узнающих себя в описаниях доморощенных разоблачителей. Читая эту книгу, любой здравый и мыслящий человек, несомненно, вспомнит идеи и надежды того времени, какими тогда жили люди, надеясь на лучшее будущее, терпеливо преодолевая трудности и беды, над которыми нынешние соглядатаи столь охотно иронизируют, посмеиваются. Но вот на днях в интервью с извест-

ной зрителям актрисой Еленой Яковлевой прочитал её мысли о том, как она уже в наши дни вместе с женским коллективом – гримерами, костюмерами примерно её же возраста, вспоминают в перерыве между съемками те далекие, «прежние», времена. *«И хоть бы кто вспомнил о них как о чем-то горестном или грустном. Нет! «А помните, девчонки, из жратвы в магазинах была одна морская капуста?» И все: ха-ха-ха!!! Хотя, конечно, тогда было немного страшновато. Но ведь выкручивались же как-то! Хорошее было время».* Что означает финальная фраза актрисы, вспоминающей прошлое? Она вполне в духе автора книги педагога-ветерана: он ничего не расхваливает, не оправдывает, только констатирует правду жизни, выстраданную людьми, памятную им чем-то очень дорогим, а чем именно – до этого надо еще докопаться и определить.

Оказывается, в этом распроклятом отвергаемом ныне советском мире помимо идеологии и политики, лозунгов и принципов была еще и *живая жизнь*, чем-то людям близкая и дорогая. Так зачем её мордовать и охаивать, сведя весь смысл бытия того времени к разговорам о морской капусте и колбасе (кстати, я бы возразил, вспомнив любимые мною горную и белую куропатки по цене 90 копеек и 1 рубль 20 копеек за штуку, которые без очередей покупал в гастрономе на Смоленской площади), то есть к скромной «потребительской корзине» и массе реальных бытовых нехваток. Не было «секса» (вот только рождаемость росла), и мата с пор-

нографией в спектаклях и фильмах не было, и сама тогдашняя жизнь выглядела как сплошное убожество, а тут актриса, вдруг, заявляет: *хорошее было время*. Может быть, потому, что при всех недостатках и пороках, «убогости» советской жизни не было в ней, например, нищих, роющихся в мусорных ящиках, и никто не умирал с голода (домашние холодильники, удивлялись иностранцы, были заполнены продуктами), и все послевоенные годы в стране бурно росло народонаселение, старость и смертный порог неуклонно, упорно отодвигались, а жадная в своих аппетитах и бытовых вожделениях советская бюрократия вела себя намного скромнее, в сравнении с заевшейся нынешней буржуазией и рожденной ею плутократией. Автор книги «Советское время в людях» не скрывает бед и проблем страны, говорит о них с горечью, прямо, объясняя их появление и существование не только трудностями роста и развития общества, на что любила ссылаться власть, но и издержками, пороками самой «социалистической» идеологии и практики. Признает и говорит об этом прямо, чистосердечно признается, что *не только многое потерял в те годы, но и приобрел то, что ценнее и сильнее любых материальных благ и успехов в карьере*.

Этот взвешенный и мудрый вывод ободрил и меня в желании вспомнить и описать собственную жизнь. Действительно, почему бы не попробовать воспроизвести, *оживить* давнее и недавнее прошлое, запомнившиеся былые картины и события, ныне почему-то часто всплывающие перед глазами

без повода и причин, одни – ярко, с подробностями, другие – смутно и сбивчиво, и ты невольно начинаешь сравнивать прошлое и настоящее, размышлять. Это отнюдь не признаки «паники» надвигающейся старости, с её испытаниями и капризами, и не сбои памяти, с годами, увы, тускнеющей, а не яснеющей. Иногда причуды воспоминаний воспринимаешь как сдвиги и всполохи самого самосознания, решившего расквитаться с прошлым, дав ему справедливую оценку. С годами ведь возникают вопросы колючие, неудобные, «бестактные», подвергающие тебя наитруднейшему испытанию – способности без боязни рассказать, *что и как было на самом деле в прожитой тобой жизни*, включая ошибки, промахи, проступки. Повторю, повседневность, может быть, и не достойна внимания философии и философов, но, согласитесь, проблемы суетной жизни никому не обойти, они «достают» каждого и влияют на умонастроение без нашего спроса и согласия. Мой любимый пример: попав на афинский рынок, Сократ воскликнул: *Как много здесь ненужных мне вещей!* Сказано, как будто о сегодняшней реальности. Много позже изучавший исторические процессы развития духа Вильгельм Дильтей выделит роль и значение человеческой *понимающей психологии* в рамках переживаний и оценок мыслящего человека, признав влияние повседневности и на философов. Он-то и ввёл понятие *жизнь* в качестве особого способа человеческого бытия, где Я и Мир составляют неразрывное единство.

Но ключевое значение в этом единстве принадлежит все-таки *памяти*, ибо ею человек подтверждает *действительность и мощь своего мышления* (формула Маркса). Так уж устроен человек, что посредством разума и своей способностью рефлексировать он осознает окружающий его мир, оценивает (хорошо, если самокритично) собственную жизнь и деяния, и память при этом выполняет особую роль. Она – хранительница его индивидуального и общественного опыта, носительница духа времени и эпохи, которой человек от рождения принадлежит. *Без памяти не было бы и истории человечества, и истории жизни отдельной личности.* Благодаря памяти мы различаем прошлое, настоящее и будущее, без неё немислим историзм самого мышления. Она же и главное препятствие на пути противников истории в лице волюнтаристов и схематиков, обедняющих и уродующих смысл человеческой жизни и судьбы. При этом надо выделить так называемую *внутреннюю память* человека, соединяющую и объединяющую его с другими людьми, и прежде всего *искусство*, причем именно *классическое искусство*, запечатлевающее в созданных им образах и формах лик и дух целых эпох жизни людей. Помню, как, размышляя об искусстве в докторской диссертации, я отстаивал приоритет *правды жизни*, а позже, благодаря Ницше, узнал, что *искусство нужно людям, чтобы не умереть от правды*. Правда – хорошо, а счастье – лучше: искусство вывело эту мудрую формулу благодаря именно *внутренней памяти*, которой оно обла-

дает, и в этом смысле она не сравнима ни с каким иным инструментом познания.

Впрочем, память не всемогуща: она не только сохраняет, но и *забывает, стирает* нажитые впечатления и представления. Забываются и стираются те из них, что не затронули самых «сокровенных» чувств и интересов. И совсем иное дело – память целого сообщества, страны или нации: например, наша тоска по сокрушенному, отвергнутому советскому обществу и строю, при всех своих несовершенствах, бедах и потерях, создавших великую державу. Прошло уже двадцать лет, а внутренняя память по разным поводам и причинам постоянно и наглядно – и под Новый Год, и в День Победы – напоминает нам о былом, близком и родном для миллионов людей.

Говорю об этом, не скрывая личной заинтересованности в обсуждении тем и проблем ушедшего и уходящего прошлого. Так получилось, что я родился в 1929 году, в «год великого перелома», как его одни величают, а другие клеймят, имея ввиду один и тот же предмет и причину – драмы так называемого *реального социализма*. Это были мои, советские, *Былое и Думы*, осознанные и понятые мною далеко не сразу. Я не вёл дневников, не фиксировал события, не записывал встречи и разговоры, но многое запомнилось, зарубцевалось в памяти, так что есть что вспомнить. И, пожалуй, главное: мне посчастливилось участвовать в событиях и познакомиться с людьми, которые, без преувеличения, представляют цвет

советской интеллигенции, науки и искусства, и, более того, вместе с ними поучаствовать в общественных процессах и событиях неординарного характера. Короче, мне есть чем поделиться с новыми поколениями.

Беда плохих мемуаров в том, что на первый план в них выступает Я самого автора, активно навязывающего свои устоявшиеся вкусы и взгляды, симпатии и антипатии, порой упуская из виду многое из того, что опровергнет его же собственная биография, судьба. Мне непонятно, почему ученый, историк, известный профессор, став таковым в советские годы, и более молодой коллега, доктор технических наук, тоже получивший высшее образование и сделавший карьеру именно в советские времена, сейчас охотно и со смаком поносят породившую их эпоху, именуя её «временем и властью недоучек и невежд», которые превратили с политическим «букварём» в руках царскую Россию в «сверхдержаву». А читателя интересует нечто иное, когда речь идет о *советском укладе и образе жизни*: что это была за страна, о которой уже написано и наговорено много всяких «разностей», в том числе напраслин и глупостей. Почему с годами, отдаляясь от тех времен, пожив и вкусив уже новое плохое и хорошее, они уходят от ответа на, казалось бы, совсем простой и ясный вопрос: *а что это была за страна и что осталось в их памяти от той жизни?* На этот вопрос попытаюсь ответить я. С позиций неизбежно надвигающейся старости её определил другой *ветеран жизни*, уже встретивший свое 90-

летие. Вот что он сказал.

Я благодарен за то, что живу и могу действовать. Понимаю, что жить долго можно только старея, а стареть – только болея, с чем придется мириться. Опыта становится с годами больше, и осмысление становится иным, чем это было раньше, но утрачивается темп работы и способность быть «многостаночником». Сообразительность еще сохраняется, но в памяти всё больше стирается и выпадает... Убежден в том, что главное в жизни – заниматься интересным делом, работа по призванию. Могу с чистой совестью сказать: *я занимался в жизни тем, чем хотел заниматься*, и не ради гонорара, конъюнктуры или славы. – Это сказал это историк-московед, профессор Сигурд Оттович Шмидт, по совпадению тоже житель Старого Арбата. К сказанному добавлю лишь одно соображение.

Что значит рассказать свою биографию? Поведать о прожитом и пережитом в твоей жизни, естественно – правдиво и честно, не утаивая грехов и не восторгаясь победами, если таковые были. Но, оказывается, выполнить эти условия совсем не просто. Не только потому, что придется «пересказать» свой жизненный путь, все значимые события и течение обстоятельств 85-летнего проживания, но и передать ощущение своей участи, выпавшей доли, высокопарно говоря, *судьбы*. И тем самым впустить читателя в свое *внутреннее бытие*, в «свое иное», как именует его чтимый мною философ Фёдор Гиренок. Сделать это не просто, и не каждому

доступно. Ведь придется всё время говорить (или иметь в виду) общество, вне которого нет ни тебя, ни твоей биографии. Но, по Гиренку, вступая в контакт с обществом или коммуникациями, твоя самость как индивида и личности пропадает, исчезает, общение превращается «в обмен пустыми знаками и болтовней». Получается, ценой встречи с обществом является утрата «встречи с самим собой», и чтобы вернуться или возвратиться к себе, надо обречь себя на молчание, и тогда, получается, монолог намного значимее, чем диалог.

Сразу предупреждаю, что такой монолог произвести я не смогу, и потому не берусь. Мне бы справиться с диалогом – внутри себя и с обществом, вне которого я как-то себя не представляю. По Канту, которого в молодости я очень почитал и много читал, всё, что делает человек, является (или должно быть) «делом его рук», и сам он должен пройти путь «от величайшей грубости до величайшего искусства», особенно преуспев в образе своих мыслей и чувств. Навсегда запомнил его советы-заветы насчет того, что природа всегда рассчитывает на «разумную самооценку» человеком себя и своих трудов. Это много больше, чем полагаться на «внешнее благополучие». Природа устроила человека так, чтобы он был озабочен мыслью-желанием «хорошо жить», а самому стать *достойным жизни и благополучия*. Кант знал реальный потенциал человека и верил в то, что когда-нибудь, пусть и не очень скоро, человеческий род достигнет такого состояния, а все его природные задатки смогут полностью

развиться и само его назначение на земле будет исполнено.

В соответствии с этим мудрым и вполне реалистичным взглядом и подходом я старался, как мне позволяли данные природой силы, этому совету-завету следовать. А что получилось «на выходе» – судить не мне...

В моих воспоминаниях нет претензий на всеохватывающее описание и оценку прожитых и пережитых событий, радостных и печальных, крупных и малых. Вполне сознательно и продуманно отобрал события и проблемы, скопившиеся за 85 лет, надеюсь, интересные и значимые не только для меня. Расскажу, как понял и уяснил, что «вся жизнь – борьба, покой нам только снится». Думаю, вовремя понял, что надежнее всего полагаться не на «благоприятные обстоятельства», при всей их значимости, а на себя как субъекта и личность. Считаю самым большим «везением» своей жизни то обстоятельство, что всё детство и отрочество, включая годы Отечественной войны, учился в хороших школах (в Баку и Николаеве), рос в семье, дружной и скромной по своим запросам, без «баловней судьбы», уже в 17 лет начал превращаться в *самостоятельного* человека, отвечающего за собственную судьбу. Пытаясь осмыслить, понять и выразить себя в *хочу* – потребностях и устремлениях, в *могу* – воле и характере, и *должен* – развитием чувстве долга и гражданском поведении. Обозначив это в заглавии воспоминаний.

Все мы родом из детства...

Начну воспоминания, как принято, с детства, и сразу признаюсь, что в памяти моей оно выглядит достаточно смутным, отрывочным и неопределенным. Утешаю себя мыслью, что не я один такой «беспамятный». Обрадовался, однажды узнав, что даже Лев Толстой не помнил событий первых пяти лет своей жизни, которые у всех детей, если поверить Корнею Чуковскому, просто гениальные. Чего, правда, никто не сможет доказать и подтвердить. Даже очень памятливым Максим Горький вспоминает свое детство, в основном, за пределами указанного «гениального» периода. Что вполне объяснимо: ведь сама способность помнить или забывать в раннем детстве еще только зарождается и формируется. Причем у всех по-разному, «по-своему». Причем и зрелые люди отличаются друг от друга степенью памятности: кто-то хорошо запоминает происшедшее с ним когда-то, вплоть до деталей и нюансов, другие, напротив, часто забывают прошлое, притом не мелочи, а нечто важное, путают концы и начала, причины и следствия событий, а есть и совсем беспаятные, «манкурты», как обозвал их Чингиз Айтматов. Помню, в юности я завидовал памяти Горького, с упоением читая его «Детство», «Отрочество», «Мои университеты». Сейчас, на склоне лет, тоже часто и с удовольствием вспоминаю детство, более того, порой нахожу там ответы

на совсем недетские вопросы. Корю себя за то, что не могу вспомнить какие-то важные моменты и детали описываемых событий. Однако, в целом к детству как периоду жизни отношусь бережно и уважительно, наверное, потому, что связываю с ним много хорошего в прожитой долгой жизни.

Но из самого раннего детства помню немного, клочковато и лишь отдельные моменты и эпизоды, «вспышки памяти», в основном по рассказам мамы. Она говорила, что первые два года я был плаксой, и она не могла ничего со мной поделать. Врачи, к которым обращалась, ничего внятного ей не сказали, отклонений в моем здоровье тоже не нашли. Измучил маму своей плаксивостью настолько, что однажды она, по её словам, от бессилия помочь мне разрыдалась и с отчаяния бросила меня на кровать. Мучилась со мною и позднее, что смутно вспоминаю я сам. Она вставала по ночам, чтобы успокоить, «убаюкать» меня в часы лунного свечения, «сноброта» (Вл. Даль), явления, дающего о себе знать порой и сейчас. Помню, как в пять лет очутился в больнице после отравления: лежал в кроватке, мне промывали желудок, пил какие-то лекарства, слушал советы мамы и тёти Поли, нашей родственницы, которая служила там медсестрой. Но, в отличие, скажем, от Толстого, не смог бы передать, какие конкретные чувства я испытал и пережил в те детские годы. Запомнил лишь тактильные ощущения, например радости и удовольствия от купания в домашнем тазу, когда играл мыльной пеной и слушал ласковые слова мамы,

особенно эти: «Какой ты у меня хорошенький!..» Но кроме приступов детского лунатизма ничего неприятного и огорчительного в те детские годы не испытал, не узнал.

Вот что я сказал о месте – городе, где родился, где прошло всё мое детство, представляя в июне 2010 года свой доклад участникам Бакинского форума, посвященного теме и проблеме «Диалог культур в современную эпоху». Составители книги, где помещены материалы состоявшегося диспута, выделили этот фрагмент курсивом.

Я бакинец по рождению. Баку для меня – родной город, оставивший в сердце и памяти немало «зарубок» – не только ярких воспоминаний и глубоких впечатлений, но и уроков – примеров общения с культурой и образом жизни целого народа – азербайджанцев. Здесь я провел детство и юность: сначала в поселке Шаумяна, потом в «Черном городе» и поселке Монтина, где учился в школе № 157. Именно в Баку, среди азербайджанцев, русских и армян получил первую прививку интернационализма (следующую, пожив на Украине, вместе с украинцами и евреями) и приехал в Москву уже сложившимся советским человеком. До сих пор не приемлю любой национализм. На себе испытал живительную и обогащающую силу диалога культур, способного соединить и объединить людей на началах истины, добра и красоты. Помню и многие «детали» бакинского детства – изумительную по чистоте и вкусу «шолларскую воду», замечательный «каспаровский хлеб» и шелковицу, которой мы, мальчишки, объ-

едались, лазая по тутовым деревьям, наконец Каспийское море, подарившее пожизненную страсть к морской стихии.

В школе учил азербайджанский язык (как на Украине – украинский), и мальчишкой, когда «прорезался» голос, любил оперу, с удовольствием посещая дневные спектакли – оперы «Кёр-оглы» и «Лейли и Меджнун» Узеира Гаджибекова, в потрясающем исполнении Бюль-Бюля и Шевкет Мамедовой, однажды на фестивале самодеятельности, на той же сцене, сам с успехом спел «Вдоль по улице метелица метет...»; посещал и любил русский «бакинский Рабочий театр» (БРТ), а также оперетту. Навсегда запомнил отдых в пионерских лагерях в Бузовнах и Мардакянах, поселок Зых, где жили бабушка и дедушка, работавший на Кислородном заводе... В годы войны отец, инженер-строитель, строил Сумгаитскую линию обороны, на случай прорыва немецко-фашистских войск, а осенью 1944 года решением ЦК компартии Азербайджана был послан на восстановление освобожденных территорий Украины, в город Николаев, куда на постоянное местожительство переехала вся семья.

Прожив долгую, сложную и в целом очень счастливую жизнь, с благодарностью вспоминаю свой бакинский период, когда складывался мой характер и основы будущего мировоззрения. Рад тому, что, несмотря на всё пережитое в жизни, хорошее и плохое, удалось сохранить веру в человеческое достоинство и не заболеть модной сейчас болезнью беспамятства. Желая Баку и бакинцам добра, благополу-

чия и процветания.

Детство в целом запомнилось как нечто светлое и радостное. Нам с братом было интересно и дома, и в шумном дворе, где детвора почти ежедневно встречалась и играла. И здесь самый раз сказать слово о поселке имени Степана Шаумяна (по имени одного из 26-ти «бакинских комиссаров», расстрелянных эсерами и английскими интервентами в 1918 году), а мы называли его Арменикендом, где на 11-й и 6-й Кантопинской улицах мы несколько лет жили с родителями. Баку достоин внимания не только как биографический факт, ибо здесь я прожил целых пятнадцать лет, город интересен и сам по себе. Верно кем-то сказано, что *бывших бакинцев не бывает*. Баку остался в памяти не только и не просто как место рождения, с ним связаны впечатления и обретения, значение и ценность которых с годами не угасает, становятся лишь «далеким прошлым». Я имею в виду прежний, «старый» Баку, не сравнивая его с «новым», каким он стал за прошедшие полвека, когда я редко с ним виделся и не вправе его сопоставлять с Баку *советским*.

Тот, старый Баку, мне нравился уже потому, что мы, тогда дети – русские, азербайджанцы и армяне – жили в нем дружно, мы именно *дружили*, а не демонстрировали идею «дружбы народов». Играли в самые разные игры, в том числе напоминающую нашу лапту, название которой я забыл, катались на самодельных самокатах (шарикоподшипниках), а велосипед был редкостью, «роскошью», конечно, иногда «об-

зывались» и дрались, потом мирились. Таким был настрой и уклад всей повседневной жизни. Все оставались самими собой, никто не изображал из себя «главного», а говорили на русском как на языке межнационального общения. То, что взрослые именовали *интернационализмом*, мы, дети, осваивали и усваивали на бытовом, уличном уровне. Случались и казусы, вроде того, как меня некоторые русские ребята дразнили, называя то «армяшкой», то «еврейчиком», и однажды я спросил маму, является ли мой папа «моим отцом», на что она, всплеснув руками, ответила: «Конечно же, он твой папа, и ты русский. Не слушай эти глупости?!.» В общем и целом не только дети, но и взрослые жили и общались тогда в нормальном цивилизованном ключе, оставаясь самими собой, верными своим национальным традициям и обычаям. Интернационализм выражался и выступал тогда в форме приверженности народов и наций общественным идеалам и целям того времени – социализму и коммунизму.

В повседневности и быту всё было еще проще и понятнее. Запомнились манеры и словесные обороты: например, ударив ладонями, «по рукам», завершали достигнутое соглашение; на базар не «ходили», «базар делали». При этом у каждого бакинца был свой Баку. Мне, скажем, запали в память такие бытовые черты и детали: живя в армянском поселке, полюбил «мацони», кислое молоко, которое по утрам разносил по дворам разносчик-армянин, выкрикивая «Мацун! Мацун!»; нравилась азербайджанская брынза – «пендир», в

сочетании с «каспаровским» хлебом с очень вкусной поджаристой корочкой, которую, не удержавшись от соблазна, наполовину съедал по дороге домой. До сих пор вспоминаю знаменитую бакинскую, «шолларскую», воду, не сравнимую ни с какой другой по чистоте и вкусу, и, конечно, чай в чайхане, в тонких стаканчиках и с сахаром вприкуску, под который мусульмане ведут серьезные беседы, обмениваются новостями, в отличие от русских, предпочитающих в таких посиделках водку и пиво. Правда, меня приобщила к чаю не чайхана, а бабушка Груня (мама моей матери), научив пить его обязательно с добавкой козьего молока, а спустя годы эту любовь укрепили китайцы, объяснив и внушив мне целительную силу зеленого чая. Всё это частности, «мелочи». Но город нравился вообще, как таковой, и таким, каким он исторически сложился, расположившись амфитеатром в Апшеронском заливе. Различали город *верхний*, с узкими улицами, минаретами, низкими балкончиками, сохранивший архитектуру и уклад прошлых веков, явно мусульманский по духу и обычаям, и *город нижний* – пестрый и сложный по составу населения, где темп и ритм задавали трамваи, а не фаэтоны, и любимые бакинцами места – приморский бульвар, две главные улицы – модная Торговая с её магазинами и променадом и строгая Коммунистическая (как она тогда называлась) с её официальными учреждениями и конторами. Может быть, я что-то подзабыл или перепутал, но хорошо помню красивый зал филармонии, где впервые под-

ростком проникся мелодикой азербайджанских мугамов, а также оперный театр имени Мирза Фатали Ахундова, где мы с братом побывали на спектаклях-утренниках «Кер-Оглы» и «Лейла и Меджнун». Именно в Баку, в годы войны, я увлекся опереттой и часто посещал переселившийся сюда из Ростова-на-Дону театр музыкальной комедии, посмотрев, наверное, раньше положенного времени классику опереточного жанра – «Сильву», «Марицу», «Холопку», «Свадьбу в Малиновке» и другие.

Читая книги о Баку и бакинцах (в частности, Фархада Агамалиева и Афанасия Мамедова), я заметил, что для них понятие Баку стало символом города-мифа, таким же, как для меня позже станет Одесса, то есть не только любимым местом пребывания, но и целым миром жизненных ценностей, который нет-нет оживает, вспоминается в самые неожиданные моменты. Но я отвлекся от конкретной реальности моего детства, а ведь мне очень повезло с тем, что рядом был Борис, брат, родившийся через полтора года после моего появления на свет, с которым мы неразлучно были, жили и общались до самого отъезда моего на учебу в Киев (1947). Жили так дружно, что не помню случая, когда бы хоть раз в чем-то всерьез разошлись или поссорились. А ведь были очень разными, совсем не похожими друг на друга – и внешне, и по характеру, привычкам и интересам. Скажем, брат больше любил *мастерить*, а я был *книгочеем*, но оба с удовольствием играли в «пароходы» и «поезда», прямо

на полу устраивая «улицы», «остановки», «милицейские посты». Это когда мама уходила на рынок или в магазин, и мы могли, как сейчас говорят, «оторваться», пожить «самодельно», «себе в удовольствие». Игрушки настоящие, покупные, были редкостью (не по карману родителям), и мы с братом создавали свои, например, превращая в средства транспорта, пристани и вокзалы отцовские книги по строительному делу, как и фишки домино и лото, вообще использовали всё, что было дома, под рукой. Любили изображать «джаз-оркестр», как у Леонида Утёсова в «Веселых ребятах»: инструментами становились кухонные предметы – кастрюли, сковородки, ложки, вилки и прочая утварь. Обладая неплохим музыкальным слухом, оба по-своему, конечно, подражали артистам и певцам, исполняли «наизусть» мелодии и песни из популярных фильмов и пластинок. Брели и разыгрывали целые сюжеты и эпизоды из фильмов «Чапаев», «Путевка в жизнь», «Семеро смелых», «Мы из Кронштадта», что называется, «на память», ведь смотрели их не раз и не два, а какие-то истории и сюжеты сами выдумывали и изображали.

Хорошо и многое помню из того, что происходило с пяти-шести лет. Например, мы регулярно ездили в гости к маминим родителям – к деду Митрофану и бабушке Аграфене, жившим в поселок Зых, что на окраине Баку, где дед работал на Кислородном заводе, а тетя Валя и дядя Лёня, младшие сестра и брат мамы, – работали на знаменитом Бакинском пивоваренном заводе. Мы с братом эти поездки и

встречи любили. Собиралась многочисленная родня Гавриловых (по материнской линии). Раз или два в год дед с отцом резали свинью, женщины коптили мясо, делали кровяную колбасу, варили холодец, разливая его в огромные тазы, а я пил вкуснейший чай с козьим молоком, взрослые поедали обильную домашнюю еду, запивая её даровым пивом (каждый работающий на пивном заводе ежемесячно получал 13 литров, бочонок, бесплатного пива и барду – корм из пивоваренных отходов для скота). На всю жизнь запомнил, как мы с братом и тамошними «сорванцами» лазали на тутовые деревья и поглощали вкуснейшую шелковицу, популярную там, как в России популярны земляника, черника и грибы. Ягода оставляла несмываемые следы на майках и трусах, за что мы с братом получали нагоняй от мамы. К удовольствию от посещения тутовника надо добавить также будущие «набеги» на виноградники в пионерских лагерях Мардакьян и Бузовны, расположенных в дачных поселках на морских окраинах Баку, куда уже школьником меня ежегодно летом отправляли родители.

Остались в памяти события и приключения с последствиями. Например, первое мое знакомство с морем, как я в отношениях с ним перешел с «вы» на «ты», и море стало для меня *страстью на всю жизнь*. Произошло это, когда мне исполнилось шесть лет, на морской прогулке в лодке: тетя Валя, сестра мамы, как бы *случайно* столкнула меня с борта лодки, и я очутился в море, еще не умея плавать. Я барах-

тался, с испуга что-то кричал, а тётя Валя, протягивая мне руки, не очень торопясь, приближалась со словами – «плыви, плыви, всё хорошо, ты молодец!» Как потом выяснилось, было это задумано заранее, и сделано вполне сознательно, с расчетом помочь мне преодолеть страх перед морем. Маневр и расчет сработали: с того случая и момента я скоро подружился с морем и не расстаюсь с ним всю свою жизнь. Сначала родным стал Каспий, потом украинская река Южный Буг в Николаеве и Черное море – в Одессе, Ялте, Сочи и Пицунде, а в последние годы – Средиземное и Эгейское море (Турция). Для меня морская стихия столь же близкая и родная, как, например, для жены – лес, с его борами, чащами, полянами, грибами и ягодами. Море полюбил сразу и навсегда, притом настолько, что в 15–16 лет, когда семья переехала на постоянное местожительство в Николаев, я тут же явился в городской яхт-клуб (благо, он был недалеко от дома, где мы жили) и под руководством опытных тренеров стал овладевать техникой стильного плавания. Вскоре уже выступал на всеукраинских соревнованиях в команде Николаевской области и дважды завоевал первое место в 1945 году в Днепропетровске (на дистанции 100 метров, «баттерфляй»), а через год – во Львове на дистанции 200 метров, спина-брасс (тогда была такая дистанция).

Еще одно событие или приключение в раннем отрочестве сыграло в моей жизни важную роль. Когда я впервые попал в пионерский лагерь, мне в нем понравилось буквально всё

– зарядка, жизнь в палатках, соревнования, игры и розыгрыши, сам пионерский обряд, торжественный, понятный и нарядный, и, конечно, новые друзья и приятели. После возвращения домой я так затосковал по лагерю, что через несколько дней сбежал туда обратно (на электричке) и был там принят, понят и пригрет, став помощником вожатого отряда. От родителей мне тогда сильно «попало», но этот факт или случай стал прологом моей будущей комсомольской юности, которой я многим обязан в своей биографии, о чем еще расскажу. Поступая так, даже не подозревал, что именно в безмятежные детские годы складываются и проявляются, пусть и незаметно для тебя, подростка, характер, привычки, жизненные представления.

Достоинства и значимость моих детских ощущений и впечатлений для всей будущей жизни по-настоящему я понял, пожалуй, только сейчас, когда иду не в гору, а с горы, и многое открывается и видится иначе, чем выглядело или казалось в потоке быстротечной жизни. Вспоминая прошлое, именно сейчас осознал, как повезло мне в детские и юношеские годы, что я жил в простой и дружной семье, где рядом был брат, сначала один, потом, через десять лет, появился второй, Виталий, а еще через пять лет сестра – Людмила. Повезло и в том, что пришлось быть старшим среди них, помогать по хозяйству маме, стать в домашних делах её «правой рукой». Может быть, кому-то из современных детей или родителей эти признания и суждения покажутся выпендренни-

ми, надуманными, но с высоты прожитой жизни вижу и сознаю, что первое зерно здорового коллективизма как поведенческого чувства заложила во мне именно семья, научив думать о других и отвечать за себя самого. Много лет спустя, встречая на пути, в реальности, немало эгоистов и индивидуалистов самого разного пошиба, понял, как повезло мне с семьей, где сам уклад жизни формировал и воспитывал чувство солидарности и ответственности – буквально с детства.

Я ничего не преувеличиваю и мог бы на многих конкретных примерах (скажем, том как сложилась судьба родной сестры) эту мысль обосновать, подтвердить. В детстве и отрочестве, действительно, закладываются вполне серьезные чувства и нормы поведения, причем самыми простыми способами и средствами. Например, привитием привычки к труду и общему делу. Не словесными внушениями, а живой практикой конкретных действий и поступков. Помню, мы с братом, еще отроки, школьники, воскресным утром, два раза в месяц, малые и худенькие, вместе с отцом пилили и рубили дрова во дворе, чтобы было чем протопить дом в конце войны и сразу после её окончания. Уговоры матери, с балкона: мол, «Ваня, хватит», «пора ребятам завтракать», на отца, родом из Тамбовской губернии (деревни Кирсановка Инжавинского уезда) не действовали никак, пока назначенная им горка дров не нарублена. Эта явно крестьянская привычка сообща участвовать и помогать в домашних делах без каких-либо разговоров и уговоров прививалась нам от-

цом все детские годы, и незаметно, сама собой, вошла и закрепила в сознании. Кем бы я потом ни был, аспирантом, доцентом или профессором, уже по привычке, всегда активно и конкретно посилено включаюсь в решение сугубо бытовых проблем, никогда не считая это зазорным. Мне, старшему, с малых лет пришлось помогать матери в самых разных «домашних делах». Горжусь, что в шесть-семь лет запросто научился печь оладьи и блины на газовой плите (!), на двух сковородках одновременно; или, по просьбе матери, ежедневно вытирал тряпкой сажу с подоконников в Баку в нашей квартире, в «Черном городе», как назывался район, где мы тогда жили на улице имени Буденного; или тщательно собирать веником пыль и мусор с полов, и сам отец показывал, по воскресеньям, как это делается, чтобы пол стал чистым. Помочь в стирке, погладить белье, приготовить обед мне не трудно и сейчас, если плохо чувствует себя жена или на время я остаюсь один в квартире. Уже аспирантом, на которого я *выучился* (как объясняла мама соседке мой социальный статус), во время нашей с ней прогулки по Варваровскому мосту в Николаеве, она однажды, вдруг, похвалила меня: «Я, сынок, мало уделяла раньше тебе внимания, меньше, чем другим. Ты был старшим, и с первого класса мне во всем помогал. Меньше всех доставлял мне хлопот, и вот уже стал таким ученым...».

Не собираюсь выводить из фактов повседневной семейной жизни какие-либо общие законы или нормы. Но для ме-

ня, человека потертого, проверенного долгой жизнью, любая социально значимая черта или особенность зарождается в человеке уже в детстве, и всем близким и далеким людям остается потом лишь гадать, откуда у них взялась та или иная хорошая (или дурная) привычка. Я не настаиваю на своих наблюдениях и соображениях, однако убежден в том, что хорошее и плохое прививается человеку с самого раннего детства – *самим укладом и образом жизни семьи*, а не нудными нотациями, прописными истинами, которыми пичкают своё «чадо» родители. Скажу больше: фиксируя и обобщая многие личные наблюдения, давно уже пришел к мысли-выводу, что в семье с одним ребенком неизбежно возникает феномен «центропулизма», и редко кому удается сдержать и предупредить в любимом отпрыске проявления воинствующего эгоизма и индивидуализма. Совсем иная ситуация складывается там, где рядом с тобой живут, растут и взрослеют брат или сестра (хорошо, если есть оба), после матери и отца самые близкие тебе существа. Понимаю, мне могут возразить, мол, тут всякое возможно и бывает. Но с годами понял, что мне в этом отношении повезло, ибо «достались» два хороших брата и сестра, и, полагаю, было бы хуже, живи я в детстве один, в гордом одиночестве, зацикленный на себе, «единственном и неповторимом». Известно, какой тип человека в этом случае формируется и получается, и какие личностные качества выходят тогда на первый план. Видел своими глазами, и убедился в этом на многих примерах. Хо-

тя, конечно, «в семье не без урода», как утверждает народная пословица, и знаю разные случаи проявления этого варианта. От подчеркнутого, но терпимого себялюбия и чувства достоинства до самых наглых форм воинствующего эгоизма и индивидуализма. Надеюсь, читателю они тоже хорошо известны...

В 1941 году, когда началась война, мне исполнилось 12 лет, я вошел в поколение подростков-отроков, еще не взрослых людей, но уже не детей, как правило, не сознающих, что происходит на самом деле. Во мне война пробудила до сих пор неизвестные чувства и желания, совсем не детские, и очень скоро я стал воспринимать реальность иначе, чем раньше. Откуда-то появилось, как у взрослых, желание узнать и понять, что происходит в мире, у нас в стране. Ничего не сочиняю и не преувеличиваю: к тому времени я пристрастился регулярно читать газеты, слушал радиопередачи, даже отец, инженер-строитель, далекий от политики, удивлялся тому, что я задаю ему такие вопросы, как, например, «почему мы заключили с Германией пакт о ненападении, зная, какой Гитлер коварный и жестокий»? А ведь недавно еще сам им восхищался: как лихо он завоёвывает одну страну за другой. Хорошо помню этот день, когда услышал на улице, по радио, сообщение о нападении немецких фашистов на СССР. В моей еще мало что понимающей головке что-то «перевернулось», и я впервые осознал, какая это непростая штука – *жизнь*, о чем вчера еще и не задумы-

вался. В голове начали возникать совсем не детские вопросы типа «как быть», «что делать», помню, как удивляли меня взрослые дяди и тети, которые не могли дать внятного и понятного мне ответа, когда я их о чем-то спрашивал. Отец с матерью твердили свое, одно и то же – *учись, хорошо веди себя в школе и дома.*

Вспоминать сейчас те времена и события, признаюсь, совсем непросто: многое в памяти стерлось, пожухло, заслонились более яркими или значимыми событиями и проблемами уже других времен и боязно было услышать в ответ на свой вопрос «А что тут непонятного?» Между тем в душе надолго задержалось и осталось непонятым многое из того, что случилось и произошло и как мы будем жить дальше, совсем не пустяшное, не мелкое, а нечто такое, что повлияет на характер и мою судьбу, хотя тогда я, разумеется, так не думал и столь высокими словами не пользовался. Помню, годы спустя, я не согласился с Юрием Левитанским, хорошим поэтом-фронтовиком: *«Ну, что с того, что я там был. Я был давно, я всё забыл».* Да, верно, многое перешло в забвение, но не всё, и не совсем забылось, и подтвердит это, кстати, сам поэт своими стихами, которые он, вдруг, начал писать в 50-летнем возрасте, как я потом узнал. Признаюсь, лично мне вспоминать войну не хочется по простому мотиву: какие-то вещи и события того времени себя изжили, просто забыты, а какие-то, даже важные, и вспоминать не хочется. Как, к примеру, не любит вспоминать и рассказывать моя

жена об испытанных ею страхах во время паники в Москве в середине октября 1941 года, свидетелем которой она стала. Для меня война, все четыре тысячи с лишним дней и ночей, запомнилась *ежедневным голодом*, который длился после её окончания еще полтора года, уже в Николаеве, куда осенью 1944 года семья переехала в связи с назначением отца на новое место работы. Об этом жутком голоде вспоминаю лишь тогда, когда в сытые годы слышу или читаю рассуждения «заевшихся» людей, озабоченных тем, какую диету выбрать, дабы не потолстеть, «сохранить фигуру».

Забыть войну, конечно, нельзя, да и грешно, аморально, ведь она унесла с собой почти три десятка миллионов жизней, в основном молодых, тех, кому не дали *состояться*, прожить свой, полагающийся им срок. Вы только вдумайтесь в этот факт и цифры – из 100 ушедших на войну по призыву 1919–1923 годов в живых остались лишь трое! А еще и потому, что война стала испытанием самого строя и идеи социализма, подарив нам великий праздник – День Победы, который и сейчас, накануне семидесятилетия победоносного окончания войны, является самой значимой и мощной по своей объединяющей силе датой – событием для всех поколений, для подавляющего большинства народа. Знаю, есть люди, в основном из поколений, не испытавших тягот и ужасов войны, кто не способен даже мысленно представить себе судьбу мира и собственной страны, если бы этой Победы не было. Тех, кто поддался демагогии обличения и глумления

над подвигом страны и народа, спасших и себя, и будущее мира, вообще человеческую цивилизацию.

Вспоминая собственные ощущения и мысли начального, трагического периода войны, могу понять настроение и сомнения людей, испытавших чувство *обманутого доверия*, сродни тогдашним моим юношеским недоумениям. Читая газеты и слушая радио, я искренне верил официальной пропаганде и всем её уверениям – *если завтра война, если завтра в поход*, то все советские люди готовы встать на защиту любимой Родины, первой страны социализма, и у нас есть всё для того, чтобы разгромить и победить наглого врага. Так можно обозначить собирательный образ-лозунг царившего тогда в обществе и стране умонастроения и убеждения. Потому, наверное, и обескуражило всех начало войны – разгром аэродромов, гибель самолетов, стремительное продвижение врага в глубь страны, окружение («котлы») и пленение, как оказалось, не готовых к отпору больших масс людей. Да, были очаги отчаянного сопротивления вероломному врагу, вроде Брестской крепости. Но куда делись слова клятвы – *бить врага на его территории*? Почему почти не скрываемая подготовка агрессии, как выяснилось позднее, известная нашим разведчикам, была проигнорирована правителями? Отчего уже который день молчит дорогой товарищ Сталин? И так далее... Да, могу и сейчас подтвердить, подобные мысли и сомнения возникали тогда у многих, но в целом в стране и обществе царили не паника, не сомнения

и отчаяние, а настоящая злость и сознание ответственности за судьбу родины, объединившие все поколения, «от мала до велика». Кто-то, может быть, и радовался нацистскому нашествию, уклонялся от воинского призыва, но массовым порывом стало желание *пойти на фронт*, выраженная в самых разных формах готовность людей отстоять нашу независимость и свободу, что и выразил Сталин в своем знаменитом Обращении к народу 3 июля 1941 года (правда, после двухнедельного молчания).¹

Отец, тогда ответственный работник треста Азнефтезаводы, имея бронь (освобождение от призыва), был мобилизован строить Сумгайтскую линию обороны – от приближающегося к Баку, нефтяной столице страны, врага. Мы лишь изредка виделись с ним, мама возилась сразу с тремя сыновьями, больше всего с часто болеющим Виталием, которому исполнилось всего два годика. Мы с Борисом учились в школе, познав нечто небывалое – настоящий каждодневный голод, без единого исключения – все четыре тысячи с лишним дней войны, остро ощутимый и невыносимый для подростков, молодых растущих организмов. Голод был настоль-

¹ В этом плане стоило бы серьезно поразмыслить и над данными недавнего опроса (середина лета 2012 года) «Левада-центра»: по его данным, лишь 44 % россиян заявили о готовности сегодня встать на защиту Родины, если бы сейчас, как в 1941 году, началась война; 23 % пошли бы на фронт лишь по призыву, а 21 % ушли бы добровольцами. Около 20 % затруднились с ответом, и 19 % открыто заявили, что в случае нападения на Россию дезертировали бы в другую страну.

ко сильным, что мама отпустила меня с крестной тётёй Со-ней в поездку в Кировобад (ныне Гянджу), чтобы обменять там вещи на продукты. Не буду описывать саму поездку, со-всем не простую и не безопасную в то время: в набитых бит-ком вагонах, где не то что спать, а и присесть было трудно. На всю жизнь запомнил, как, возвращаясь, уже на вокзале в Баку, надорвал («хрустнул») от тяжести позвоночник, с ка-ковым и пришлось жить-выживать до сих пор.

Учился я в средней школе № 157 поселка имени Монтина, где в то время мы жили, часто выступал в госпиталях перед ранеными, которых мы, школьники, регулярно посещали и опекали. Пел песни, обладая хорошим голосом, как считали специалисты, которым родители меня «показали». Они-то и сказали, что после мутации, переходного периода, возмож-но, появится баритон, предупредили родителей и меня, что надо беречь голосовые связки. Перед войной, еще мальчиш-кой, я на городской олимпиаде завоевал право выступить на заключительном концерте в театре оперы и балета им. Мир-за Фатали Ахундова. Дуэтом, вместе с Валею Скопиной, то-же лауреаткой олимпиады, спели русскую народную песню «Вдоль по улице метелица метёт...», и с этой песней долж-ны были выступить в Москве летом на Всесоюзном смотре удожественной самодеятельности. Но началась война.

Увы, голос я «сорвал», и это была первая настоящая дра-ма, пережитая мною в жизни, уже в отрочестве. Хотя, кажет-ся, всё понятно: идет война, при чем тут «голосовые связ-

ки», о них не думали ни родители, ни я, «не до жира, быть бы живу». В том, что касалось общения с искусством, родители были к нам, детям, очень внимательны. Скажем, мы с братом посещали оперные спектакли-утренники, и нам нравилась восточная мелодика и музыка. До сих пор не забыл, могу напеть мелодии из оперы «Шахсенем» Глиэра, почти безошибочно воспроизведу увертюру к «Кёр-Оглы» Узеира Гаджибекова, не говоря уже об «Аршин мал алане», мелодии которой после войны стали широко известны русскому слушателю благодаря Рашиду Бейбутову. Остались в памяти прекрасные оперные голоса солистов – Шевкет Мамедовой и Бюль-Бюль оглы. Музыка в нашей семье вообще любили: отец, проходя службу в армии, играл на флейте в воинском оркестре, и дома были ноты; мама хорошо пела, и по сей день помню её любимую «Иссушила меня моя зазнобушка, подколодная змея...», которую она напевала, стирая бельё. Братья мои, Борис, затем и Виталий, без посторонней помощи научились играть на баяне и модном тогда аккордеоне, и он же закончит позднее Одесскую консерваторию, станет певцом-солистом в знаменитом оркестре Анатолия Кролла.

Не посчастливилось мне стать певцом, что я остро переживал, было по-настоящему обидно и горько. Долго не мог забыть. От рождения я не завистливый, но, признаюсь, всю жизнь завидовал певцам, обладателям хорошего голоса: в детстве Лемешеву, потом Муслиму Магомаеву, в эти годы – Хворостовскому. Говорят, однажды пробудившееся твор-

ческое «эго» человека просто потерять нельзя, раньше или позже оно еще проявит себя как-то и в чем-то другом. Так, взамен утраченного голоса пришло новое чувство – увлечение поэзией, которую знал и любил, но теперь, на фоне жуткой прозы войны и потери певческого дара, интерес к поэзии усилился, получил мощный толчок. Люди, не забывшие те военные времена, согласятся со мной, что горести, страдания и героические деяния той эпохи породили великую поэзию и пробудили талант у многих поэтов. Не стану их называть и перечислять, их так много, что не хочется ненароком кого-то обидеть. Тех, кто оказался близок мне и повлиял непосредственно на меня, я назову чуть позже, когда зайдет речь о моих поэтических пристрастиях и встречах.

Первым назову не Владимира Маяковского, ставшего моим кумиром чуть позже, а Константина Симонова, автора прекрасных стихов военного времени, которому я обязан и благодарен за то, что именно он помог мне выйти из пережитого душевного кризиса, в связи с утратой «голоса». Его военные стихи нравились многим: брали за живое своей искренностью, редкой для той поры мужской лиричностью. Поэт говорил и писал о том, чем жили тогда все обычные, нормальные люди, умеющие воевать, страдать, любить, ждать, надеяться на лучшее будущее.

Лично меня его поэзия поразила полным совпадением и созвучием с тем, *что* и *как* хотелось бы сказать мне самому, и Симонов эти нужные всем слова находил, и они бы-

ли поэтичными. Надо быть не просто хорошим поэтом, но и настоящим человеком-мужчиной, чтобы сказать любимой женщине такие простые и пронзительные слова: *«Как я выжил, будем знать только мы с тобой. Просто ты умела ждать, как никто другой»*.

Из всех стихов Симонова того времени особенно тронуло и захватило меня «Убей его». Хотя война шла уже два года, мне захотелось читать в госпиталях выздоравливающим воинам именно это стихотворение. И вот почему. Вчитываясь в хорошо знакомые поэтические строки, я ощутил какое-то странное и смутное для меня чувство, необычное, и в первый раз – уже не подростка, а скорее вдруг повзрослевшего человека. Которого надо было убедить и уговорить убить *живого немца*. Это чувство-мысль заложена в самом симоновском стихотворении. Оно начинается словами: «Если дорог тебе твой дом...», перечисляя всё, что в этом доме кровно, близко и дорого каждому человеку, переживающему ужасы и беды наглого вторжения пришельца-чужака. Тут одной эмоцией и наказом «аз воздам» не обойдешься, предстоит осознать священное право хозяина дома покарать незваного пришельца не только за вторжение в дом, но и попранное *человеческое достоинство*. Тут уже не «око за око, зуб за зуб», а и чувство справедливого возмездия повелевает – *убей его*. Ибо не может быть иной кары для того, кто вторгся в родной тебе дом и от кого надо спасти близких тебе людей. Это тот случай, когда справедлива сама твоя решимость и жестокость. После

Сталинграда, битвы на Курской дуге, а затем уничтожения врага на его собственной территории неизмеримо возросла значимость идеи собственной ответственности и правоты человека, вынужденного навязанными ему обстоятельствами убивать и быть жестоким. Эту мысль подсказал мне актёр БРТ (Бакинского рабочего театра), фамилию которого, увы, я уже не помню. Подсказку я воспринял и долго раздумывал, как выразить саму мысль о том, что и в ситуации смертельной опасности, когда на кону судьба страны и собственная жизнь, надо оставаться человеком в самом высоком смысле этого понятия. Судя по реакции тех, кто слушал меня в течение почти двух лет, мое понимание и прочтение стиха было воспринято и понято, и оно оказалось понятнее и убедительнее пафоса голой ненависти к врагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.